

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 811.161.1'276.6: 33 (043.3) + 811.112.2'276.6: 33 (043.3)

ПРИСТУПА
Нина Николаевна

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
КРЕДИТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С XI ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Минск, 2015

Научная работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель

Кожина Алла Андреевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретического и
славянского языкознания Белорусского
государственного университета

Официальные оппоненты

Горлатов Анатолий Михайлович,
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе УО «Минский
государственный лингвистический
университет»

Никитенко Татьяна Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английской
филологии УО «Витебский
государственный университет
имени П. М. Машерова»

Оппонирующая организация

УО «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»

Защита состоится 9 февраля 2016 г. в 16.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.24 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; e-mail: phyl@bsu.by; телефон ученого секретаря: 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «29» декабря 2015 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

С. А. Важник

ВВЕДЕНИЕ

Активизация терминологических исследований в наше время не случайна: они служат упорядочению терминологии, обогащению терминоведения, развитию терминографии и при этом органично вписываются в современную лингвистическую парадигму, ибо «в специальной лексике наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа» (С. В. Гринев-Гриневич).

Из специфики терминологии, выступающей и явлением языка, и социально организованной действительности, вытекает необходимость диахронического исследования специальной лексики. Определение общих закономерностей в ее становлении, выявление факторов, обуславливающих ее развитие, установление общих принципов описания формирующихся терминов представляется насущной задачей исторического терминоведения, разработка которого в настоящее время далека от завершения. Информативным во многих отношениях при изучении процессов формирования специальной лексики является обращение к номинациям сферы кредитных отношений. Эти отношения возникли с зарождением государства и частной собственности задолго до появления письменных европейских языков, имеют исторически непреходящую значимость и существуют у разных народов. Для выявления общезыковых закономерностей в процессах формирования кредитной лексики представляется целесообразным сопоставительное изучение истории складывания названной терминологии в русском и немецком языках, так как результаты исследования развитых языков «позволяют вносить все большую точность в формулирование общих лингвистических законов» (Г. О. Винокур).

Актуальность настоящего исследования кредитной лексики русского и немецкого языков определяется необходимостью 1) выявления объективных тенденций и закономерностей формирования специальной лексики; 2) установления особенностей формирования прикладных терминологий значительного возраста в зависимости от культурно-исторических условий развития конкретного социума; 3) определения специфики процессов терминообразования в конкретном языке в связи с его эволюцией.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках научных исследований, проводимых на кафедре теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета по темам «Славянские языки в когнитивном аспекте» (регистрационный номер

20062056; 2006–2010 гг.) и «Структурно-семантические и коммуникативные исследования белорусского и других языков в аспекте диахронии и синхронии» (регистрационный номер 20113923; 2011–2015 гг.).

Цель и задачи исследования. Цель работы – установить основные характеристики складывания специальной лексики, относящейся к сфере кредитной деятельности, в русском и немецком языках XI – середины XIX в.; выявить общие закономерности и дифференциальные черты процессов терминообразования в названных языках. Эта цель потребовала решения следующих **задач**:

– описать историю возникновения и развития в русском и германском государствах сферы кредитной деятельности и связанных с ней понятий; определить состав семантического поля лексических единиц субстантивного характера, обслуживающих кредитную сферу деятельности в русском и немецком языках на протяжении XI – середины XIX в.;

– провести комплексный эволютивный (диахронический, исторический и этимологический) анализ специальной лексики кредитной сферы русского и немецкого языков; выявить специфику складывания терминологии названной сферы на синхронных срезах, соответствующих основным этапам развития кредитной деятельности;

– определить степень продуктивности основных способов терминообразования на разных этапах эволюции кредитной лексики исследуемых языков; охарактеризовать факторы и причины, обуславливающие изменения в составе рассматриваемых семантических подсистем;

– установить особенности семантико-структурного развития кредитной лексики в каждом из языков; выявить характер и причины формальной вариантности, словообразовательной синонимии и семантической дублетности специальной лексики в исследуемый период;

– описать количественные и качественные преобразования кредитной лексики русского и немецкого языков, связанные с развитием понятий сферы кредитной деятельности и начинающимся становлением структурных, содержательных и функциональных характеристик термина; определить специфику процессов языковой номинации в кредитной сфере;

– охарактеризовать на основе изучения в каждом из языков способов, моделей образования и особенностей развития кредитной лексики общие закономерности становления отраслевой терминологии; установить и объяснить специфические характеристики в эволюции русской и немецкой кредитной терминологии.

Объектом изучения являются процессы формирования кредитной терминологии русского и немецкого языков в период с XI до середины XIX в.

Предмет исследования – закономерности и особенности зарождения, формирования и становления специальной лексики кредитной сферы в исследуемых языках.

Материалом для исследования послужили номинации понятий сферы кредитной деятельности (имена существительные, в том числе субстантивированные, и субстантивно-атрибутивные словосочетания), извлеченные в процессе сплошной выборки из важнейших исторических и этимологических словарей русского и немецкого языков. Объем исследуемого материала составляет 362 номинации русского языка и 481 – немецкого, или, с учетом графико-фонетических, орфографических и грамматических вариантов, – 416 номинаций русского и 685 номинаций немецкого языков.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что в нем 1) впервые проведено последовательное описание состояния и развития русской и немецкой кредитной лексики на разных этапах языковой эволюции в период с XI до середины XIX в.; 2) на основе синхронно-диахронического подхода установлены общие и специфические черты в формировании зарождающихся терминосистем кредитной сферы русского и немецкого языков; 3) выявлены закономерности, характеризующие складывание терминологии, имеющей длительную историю бытования.

Положения, выносимые на защиту

1. Эволюция состава кредитной лексики русского и немецкого языков неотделима от истории общества и экономики и теснейшим образом связана с историей развития соответствующей понятийной сферы. Исследуемые языки отражают один и тот же материальный мир, поэтому между специальными номинациями этих языков преобладает смысловая корреляция. Вместе с тем становление состава кредитной лексики в русском и немецком языках отмечено количественными и качественными расхождениями, что связано с разной динамикой развития кредитной сферы, национальной спецификой торгово-экономических отношений в каждом из социумов, а также особенностями развития каждого из языков.

2. Возникновение исконных прототерминов кредитной сферы, в силу становления специальных понятий на основе представлений и бытовых понятий, является результатом семантической деривации, обусловившей зарождение специальных номинаций в недрах общеупотребительной лексики в ходе приспособления существующих обозначений к новым реалиям и понятиям. История кредита значительно древнее письменной истории русского и немецкого языков, поэтому исходные прототермины кредитной сферы становятся в обоих языках частью деривационной базы, на основе которой складывается каркас формирующейся терминосистемы.

3. Складывание кредитной лексики, как и общего словаря в целом, в обоих языках происходит в ходе процессов семантической деривации, лексического заимствования и словопроизводства. Семантическая деривация является следствием взаимопроникновения долговых и социально-бытовых отношений и обуславливает включение в ЯСЦ кредитной сферы общеупотребительных лексем в специальных значениях (9,7% от общего числа лексем в русском и 7,9% – в немецком языке). Ведущую роль в развитии состава кредитной лексики русского и немецкого языков на протяжении XI–середины XIX в. играет морфологическое словообразование (82% от общего числа лексем в русском и 80,2% – в немецком языке), обуславливающее на каждом из этапов развития кредита формирование ряда словообразовательных парадигм и гнезд для выражения смежных понятий. Это обеспечивает этимологическую «прозрачность», а также смысловую и формальную связь прототерминов кредитной сферы в синхронии и диахронии. Иноязычные номинации пополняют кредитную лексику вследствие торговых и иных контактов и тоже вовлекаются в деривационные процессы (8,6% от общего числа лексем в русском языке и 11,9% – в немецком).

4. Формирование семантических полей кредитной лексики в исследуемый период имеет стихийный характер и в обоих языках на каждом этапе отмечено такими чертами, как неопределенность значений семантических дериватов; связанная с нею диффузность структуры поля; наличие лексической и словообразовательной синонимии дублетного характера, вызванной множественностью источников специальной лексики и параллельным развитием системы словообразовательных средств функционально-номинативного обозначения; существование фонетической и графической вариантности прототерминов вследствие отсутствия общей языковой нормы. Названные характеристики проявляются как объективное следствие общих законов эволюции лексико-семантических систем и могут быть присущи формирующимся терминологиям прикладного характера с длительной историей развития в других языках.

5. В национальных русском и немецком языках XVII–XIX вв. развитие семантических полей кредитной лексики обнаруживает определенную тенденцию к преобразованию в терминосистему, что выражается в архаизации номинаций неактуальных понятий; детерминологизации обозначений с оценочно-экспрессивной коннотацией; уточнении содержания или устранения семантически нестабильных прототерминов; заимствовании иноязычных специальных номинаций. Отдельную роль играет функционирование прототерминов особой структуры (бивербы в русском языке и композиты – в немецком), развитие которых иллюстрирует специфику процессов языковой номинации в сфере кредитной деятельности. Окончательному оформлению терминосистем кредитной сферы в рамках XI–XIX вв. в обоих языках объективно препятствует постоян-

ное появление новых специальных номинаций, требующих совершенствования содержательной структуры и формы.

6. Общими закономерностями в формировании терминологий, называющих в русском и немецком языках понятия кредитной сферы следует считать: 1) изначальную и непрерывную связь с общеупотребительной лексикой; 2) наличие на каждом синхронном срезе устойчивых формально-семантических связей кредитной лексики, обусловленных формированием терминологии на базе исконных прототерминов и их дериватов; 3) постоянное пополнение состава и развитие разных структурных типов кредитной лексики в связи с необходимостью номинации новых, обусловленных эволюцией кредитного права понятий кредитной сферы, их уточнения или дифференциации; 4) расширение производящей базы терминологии за счет заимствований, одновременно ведущее к образованию интернационального фонда кредитной лексики. Специфические характеристики темпов формирования исследуемых семантических полей, их состава, структуры, объема интернационального фонда обусловлены национально-исторической спецификой развития сферы кредитной деятельности в каждом из государств и особенностями эволюции каждого из языков.

Личный вклад соискателя. Диссертация является самостоятельным исследованием, результаты которого получены на основе всестороннего анализа состава, этимологии, содержания, формы, структуры и системной организации фактического материала, выявленного в ходе изучения словарных статей из 29 авторитетных исторических и этимологических лексикографических источников русского и немецкого языков, а также его логико-лингвистической интерпретации. Все публикации, отражающие результаты исследования, подготовлены без соавторов.

Апробация результатов диссертации. Основные результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на 9 научно-практических конференциях, в числе которых Международная научная конференция «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (Минск, 30.10.2012); Международная научно-практическая конференция «Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор-жанр-стиль» (Брест, 4–5.10.2012); Международная научная конференция «Язык и межкультурные коммуникации» (Kalba ir tarpkultūrinė komunikacija) (Вильнюс – Минск, 15–18.04.2013); Международная научная конференция «Русский язык на евразийском пространстве: совместное достояние и новые вызовы» (Одесса, 6–9.07.2013), Международная научно-методическая конференция «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (Брест, 21–22.11.2013); IV Всероссийская научно-практическая конференция с междуна-

родным участием «Текст как единица филологической интерпретации» (Куйбышев, 25.01.2014); Международная научно-практическая конференция «Мир языков: ракурс и перспектива» (Минск, 22.04.2014); Республиканская научно-практическая конференция «XII Горьковские чтения», посвященные 100-летию со дня рождения Я. А. Чернявской (Брест, 20.03.2014); Царицынские Рождественские чтения (Волгоград, 6–10.10.2014 г.).

Опубликованность результатов диссертации. Основные положения и результаты работы отражены в 13 публикациях: 3 статьях в рецензируемых периодических изданиях (1,65 авт. л.), 1 статье в сборнике научных статей (0,25 авт. л.) и 9 публикациях в сборниках материалов научных конференций (2,5 авт. л.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из оглавления, перечня условных обозначений и сокращений, введения, общей характеристики работы», четырех глав, заключения, библиографического списка и трех приложений. Объем основного текста составляет 217 страниц; схемы (приводятся в тексте диссертации) занимают 2 страницы. Библиографический список включает список источников языкового материала (14 позиций), список исследований (207 позиций), список публикаций соискателя (13 позиций) и занимает 19 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «**Теоретические аспекты исследования**» носит обзорно-аналитический характер. В разделе 1.1 рассматривается специфика терминологии как языкового явления, неотделимого от общественного развития; уточняются исходные теоретические установки и используемые термины. Изучение трактовок термина, терминологии, терминосистемы, предлагаемых в трудах российских и немецких терминоведов (Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, В. М. Лейчик, В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, С. В. Гринев-Гриневиц, А. В. Суперанская, Р. Арнц, Х. Фельбер, В. Зайбике, Х. Кальверкемпер), позволило в качестве рабочих принять определения *термина* как номинативной единицы, выступающей обозначением принадлежащего какой-либо области знания или деятельности специального понятия, и *терминологии* как совокупности таких единиц или отдельных ЛСВ полисеманта, обслуживающих определенную понятийную сферу. Использование названных терминов в диссертации условно из-за несоответствия кредитных номинаций требованиям к статусу термина (Д. С. Лотте, С. В. Гринев-Гриневиц, Г. П. Мельников).

В связи с существованием проблемы обозначения в диахронической перспективе единиц специальной лексики и их организации рассмотрены предложения современных терминоведов (В. М. Лейчик, С. Д. Шелов, А. Д. Хаютин,

С. В. Гринев-Гриневиц, О. В. Фельде, Е. А. Федорченко) о выделении в формирующейся специальной лексике прототерминов, предтерминов, терминовидов, квазитерминов, профессионализмов. В силу неотчетливости и противоречивости дефиниций названных единиц в диссертации используется только обозначение *прототермины*, под которыми понимаются лексемы, стоящие на пути к терминологизации, но объективно не соответствующие нормативным требованиям, предъявляемым к форме, значению и функциональным характеристикам термина. Совокупность таких лексем в работе именуется языком для специальных целей (ЯСЦ), или стихийной терминологией. Так как формирование терминологии, выступающей подсистемой лексики литературного языка, происходит на основе общеязыковых процессов, анализ зарождающихся терминов проводится в составе традиционно выделяемых в языке лексико-семантических подсистем – семантических полей и лексико-семантических групп (ЛСГ). Семантическое поле определяется как объединение номинативных лексических единиц на основе предметно-понятийной общности, а ЛСГ – как группа слов одной части речи, объединенных одним словом-идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого входит в значение остальных слов группы и может их заменять в некоторых контекстах (Ф. П. Филин, И. А. Стернин, Б. Ю. Городецкий).

В разделе 1.2 акцентируется мысль о связи формирования терминологии с развитием понятий кредитной сферы. Возникновение научных понятий проходит путь от общих представлений через бытовые понятия к специальным (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин). Это обусловило проведение предварительного отбора и группировки формирующейся кредитной лексики на основе ономаσιологического подхода (от понятия к обозначению), который обеспечивает выявление специальных номинаций не только в сравниваемых языках, но и на разных синхронных срезах. Номинации, соотносимые с понятиями сферы кредитных отношений, образуют в каждом языке семантические поля кредитной лексики, а наличие обозначений отдельных существенных характеристик кредита позволяет объединить прототермины кредитной сферы в ряд ЛСГ: «ценность, переданная или взятая во временное пользование», «гарантии обеспечения кредита», «ссудный платеж», «субъекты кредитной деятельности», «документы, оформляющие кредитные отношения».

Анализ работ о происхождении и особенностях эволюции кредитных отношений в Германии и России позволил провести периодизацию эволюции кредита и формирования специальной кредитной лексики в каждом из языков, установить характеристики каждого из периодов. Для немецкого языка исходным периодом стало раннее средневековье (до XI вв.), когда развитие кредитных отношений происходит внутри государства и находит выражение в прагерманской и латинской лексике. Для *раннего периода* (XI–XIV вв.) значим

приток в лексику кредитной сферы иноязычных номинаций, связанным с началом международной торговой деятельности Ганзейской конфедерации. *Средний период* (сер. XIV – сер. XVII вв.) отмечен активным приростом собственно немецкой и иноязычной кредитной лексики, фиксирующей новые понятия банковского, потребительского и зарождающегося ломбардного кредитования. *Поздний период* датируется концом XVII – сер. XIX вв., когда достигает расцвета банковское дело, появляются новые виды кредита, кредитных операций, начинается становление кредитного права. Для русского языка исходным периодом в развитии кредита стала эпоха праславянского единства и периода складывания древнерусского государства. На *раннем этапе* (XI–XIV вв.) развитие кредитных отношений несло на себе отпечаток общего влияния Византии на Русь. С XIII в., в связи с татаро-монгольским нашествием, правовые нормы «Русской Правды» были перенесены в торговые республики Северной Руси – Новгород и Псков. *Средний период* становления кредитной лексики (XV–XVII вв.) отмечен существенным отставанием Московского государства от Центральной Европы во всех сферах социальной жизни. Интенсивное развитие торгово-кредитных отношений и специальной лексики происходит в России в *поздний период* (конец XVII – сер. XIX вв.).

На процессы складывания терминологии кредитных отношений проецируются закономерности языкового развития, в том числе лексико-семантических систем, поэтому в разделе 1.3 сжато рассматриваются периоды эволюции русского и немецкого языков, в хронологическом отношении коррелирующие как между собой, так и с этапами развития кредита и его терминологии в каждом из языков. В истории русского языка это древнерусский (X – нач. XIV вв.) и старорусский (XIV–XVII вв.) периоды, а также период, связанный с формированием русской нации (конец XVII – сер. XIX в.) (А. И. Горшков, Р. И. Аванесов, В. В. Колесов). В эволюции немецкого языка исходным считается древневерхненемецкий период (770–1050 гг.); средневерхненемецкий (1050–1350 гг.), отмеченный расширением сфер применения немецкого языка; ранненововерхненемецкий (1350–1650 гг.), когда в языке были заложены основы письменной нормы новонемецкого национального языка; нововерхненемецкий (1650 г. – сер. XIX в.), который называют периодом развития и совершенствования немецкого национального языка (Я. Гримм, О. Бехагель, Шт. Зондерегер, П. Поленц, В. М. Жирмунский, Н. И. Филичева). С названными периодами соотносится лексика, участвующая в процессах терминообразования кредитной сферы, которые базируются на таких универсальных способах пополнения словаря, как семантическая деривация, словопроизводство с привлечением словообразовательных языковых ресурсов; заимствование иноязычной лексики; пополнение из внутриязыковых территориальных и социальных диалектов (В. П. Даниленко, Р. Ю. Кобрин, В. М. Лейчик). Специ-

фической чертой терминообразования, вследствие его связи с эволюцией понятийной сферы, выступает формирование кредитной лексики на основе имеющихся и вновь появляющихся специальных номинаций.

Способность выразить специальное понятие – это «особое качество слова, приобретаемое или теряемое в речи» (Е. Н. Колодкина), поэтому для определения «степени» терминологизации слова в рассматриваемых языках в качестве параметров-ориентиров выявляются историко-этимологические характеристики и формально-содержательные особенности каждого из слов, а также специфика их структуры и системные отношения в соответствующих ЛСГ. Долговые отношения в XI–XIV вв. в обоих государствах одинаково предполагают наличие субъектов (кредитор, заёмщик и поручитель) и объектов кредита (материальная ценность, передаваемая во временное пользование; гарантии возврата (заклад, залог); ссудный платеж), долговых операций, отношений, состояний, а также фиксирующих их документов, поэтому номинации соответствующих понятий в русском и немецком языках, образующие семантические поля кредитной лексики, в диссертации исследуются в составе параллельных ЛСГ на каждом из этапов развития кредитных отношений.

Глава 2 «Процессы формирования кредитной лексики в XI–XIV вв.» включает три раздела. В разделе 2.1 описывается структура семантических полей кредитной лексики, соответствующих раннему периоду развития кредита в древнерусском и германском государствах, и состава входящих в поле ЛСГ; выявлены источники кредитной лексики, изучены способы пополнения специального словаря. Установлено, что кредитная лексика на начальном этапе, помимо генетически исходного пласта (рус.: *дѣлгъ* (*dьlgь), *заимъ* (*zajьmь), *накладъ* (*nakladъ); нем.: *schulde* (*skulan), *lîhen* (*leihvan), *borg* (*borh)), включает: 1) единицы из литературно-письменных языков, стоящих на более высокой ступени развития: в древнерусском – из старославянского (*расть*, *растоумьць*, *прирѣзоумьць*, *лихоумьць*); 2) слова из внутренних диалектов (*намъ*; *gelte*, *gelter*); 3) заимствования из греческого, в т.ч. кальки (5,3%): *грамота*, *трапезник*, *сребродавчий* (др.-рус.); из латинского (3,7%): *pfant*, *zins*, *bürgerschaft*, *geloube* (свн.).

Процессы образования кредитных номинаций в обоих языках на раннем этапе схожи с образованием общеупотребительной лексики. Результаты семантической деривации одинаково невысоки в обоих языках: 10,5% от общего числа лексем в древнерусском языке (*мьзда*, *прибытокъ*, *рѣзь*) и 11,3% – в средневерхненемецком (*gelt*, *schuldiger*, *zins*). Ведущую роль играет морфологическое словопроизводство: в древнерусском – 84,2% от общего числа лексем (*присыпати*→*присопъ*, *заимати*→*заимьникъ*); в средневерхненемецком – 85% (*gelten*→*gelt*, *borgen*→*borgære*). Специфической чертой словопроизводства в поле кредитной лексики древнерусского языка выступает образование бивербов

(должная грамота, сотная лихва, закупный человек), способных трансформироваться в однословные номинации в ходе универбации (*сотная лихва* → *сотница*, *платежная запись* → *платежница*) и субстантивации (*закупный человек* → *закупный*, *дѣлжъныйи человекъ* → *должный*), а в средневерхненемецком – словосложение (*schultbrief*, *pfandherr*, *geloubsrief*).

В разделе 2.2 выявляется специфика семантики и структуры номинаций кредитной сферы на раннем этапе ее развития. Обоим языкам одинаково свойственны 1) синкретизм семантики прототерминов, отражающий исходную связь специальных номинаций с бытовыми представлениями и понятиями (др.-рус.: *дѣлгъ* – ‘стоимость, предоставляемая во временное пользование’, ‘обязанность’, ‘дань’; свн.: *schult / schulde* – ‘долг как объект кредита’, ‘обязанность’, ‘наказание’, ‘грех’, ‘преступление’, ‘причина’, ‘обвинение’); 2) диффузность специальной семантики (др.-рус.: *заимъ* – ‘ценность как объект кредита’ и ‘кредитная операция’; *дѣлжъникъ* – ‘лицо, давшее или взявшее в долг’; *порука* – ‘лицо, поручитель’ и ‘поручительство’; свн.: *lêhenung(e)* – ‘ссуженое’, ‘ссужение’, ‘делка по ссужению’; *phant* – ‘залог, заклад (имущество или сам человек)’, ‘поручитель’, ‘поручительство, гарантия’; *wuocher* – ‘ссудный платеж’ и ‘ростовщичество’); 3) семантическая нестабильность, контекстно-ситуативная обусловленность развивающихся специальных ЛСВ.

Обозначения, используемые в кредитной сфере, находятся в исследуемых языках на разных ступенях семантического становления: уточнение семантики специальной лексики более интенсивно протекает в немецком языке (в др.-рус. языке слова *дѣлжъникъ*, *дѣлжъбитъ* имели синкретичное значение ‘кредитор’ и ‘заёмщик’, но в свн. языке отмечены однозначные номинации кредитора – *schultherre*, *lêhenære*, *borgære*, *gelouber*, однозначные номинации должника (*schultman*, *scholman*, *soller*), должника с особым статусом (*selpschulde*, *selpgelte*, *selpgülte* – ‘должник, поручившийся сам за себя’).

В разделе 2.3 установлено существование для специальной лексики каждого из языков графико-фонетических вариантов, вызванное как внешними факторами (противоречие между письменной традицией и живой речью; наличие диалектов и отсутствие кодифицированной нормы), так и внутренними (развитие фонетического строя). Системная организация кредитной лексики на начальном этапе ее формирования базируется главным образом на связи понятий, на лексическом уровне поддерживается словообразовательными связями: *дѣлгъ* – *дѣлжъный*, *дѣлжъбитъ*, *дѣлжъникъ*, *дѣлжъная грамота*; *schulde* – *schuldener*, *schuldenerin*, *schuldiger*, *schuldigerin*, *schultman*, *selpschulde*, *schultbrief*, *schultbuoch*, *geltschulde*. Вследствие множественной мотивации в обоих языках поля кредитной лексики в этот период характеризуются наличием как словообразовательных дублетов (*лихоимъць* – *лихоимъникъ* – *лихоиманникъ*; *заимъникъ* – *заимодавецъ*; *schuldener* – *schultman* – *schuldiger*), так и

лексических (*расть – рѣзь – сотница – лихва; schulde – gelt*). Семантическая избыточность, типична для формирующейся терминологии, отмеченной поиском наиболее рациональных средств номинации, и служит предпосылкой для последующего развития состава и структуры каждой из ЛСГ.

Глава 3 «**Развитие кредитной лексики в XIV–XVII вв.**» посвящена изучению специальной кредитной лексики на среднем этапе развития кредитных отношений. В разделе 3.1 рассматривается динамика поля кредитной лексики в каждом из языков. Установлено, что непрерывность развития специальной лексики обеспечивается сохранением ряда номинаций предыдущего периода. Совершенствование сферы кредитной деятельности, с одной стороны, и развитие фонетического и словообразовательного языковых уровней – с другой – обуславливает динамику состава ЛСГ кредитной лексики. Наиболее значимы социально-экономические факторы: в анализируемых полях каждого из языков отмечен не только значительный пласт номинаций, связанных с одинаково активно распространяющимся ростовщическим кредитом (ст.-рус.: *рость, ростовщикъ, прирѣзь, рѣзоимное, рѣзоимание, лихоиматель, лихварь*; рнвн.: *wischer, wucherzins, wuchergewinn*), но выделяются и специфические семантические области, развивающиеся особенно интенсивно. В старорусском языке это номинации, отражающие национально-исторические общественные реалии названного периода – закладничество, закупничество, долговую кабалу, кабальное холопство (*закладникъ, закладень, закуп, закупень, кабальный, кабальщикъ, кабальное*). В ранненововерхненемецком языке в составе кредитной лексики находит отражение широкое развитие залогового кредита (*pfandschilling, pfandsache, pfandgeld*) и появление кредитных учреждений (*bank, bankier, bankerott, bankbruch, lombard*).

Источники обогащения кредитной лексики русского и немецкого языков готовыми номинациями в названный период различаются. Вследствие политики изоляционизма, проводимой Московским государством, заимствования в кредитной лексике старорусского языка единичны (3,7%). Однако прототермин *кабала*, предположительно арабизм, активно используется в деривации новой кредитной лексики русского языка (*кабальный, кабальное, кабальщикъ, кабала служилая*). В ранненововерхненемецком языке, напротив, отмечен интенсивный приток иноязычных номинаций (10,3%) (*rest, hypothec, procent, caution, credito, zettel*), многие из которых тоже стали производящей базой для новых обозначений кредитной сферы (*restant, quittung, pfandzettel*).

Наиболее активно формирование кредитной лексики протекает на основе собственных словообразовательных ресурсов, причем в процессы морфологического словопроизводства вовлекается как исконная, так и вновь появляющаяся лексика (86,6% – в старорусском, напр.: *насыпати*→*насопъ*, *ссудити*→*ссудие*, *заимщикъ*→*заимщица*; 83% – в ранненововерхненемецком,

напр.: *glaub(en)*→*glaubner*, *restant*→*restantin*). Семантическая деривация малопродуктивна (ст.-рус. – 9,7%, в рнвн. – 6,7%); новые специальные ЛСВ образуются на основе исконных прототерминов в ходе метонимического переноса (ст.-рус. *заимъ* ‘залог’, *зalog* ‘ручательство’; рнвн. *darleihe*, *darlehen* ‘договор о ссуде либо займе’, *quittung*, *quitterung* ‘расписка в получении оплате, квитанция’) или на основе общеупотребительной лексики (*платежь* ‘сумма, предназначенная для выплаты долга’, *мъздоимникъ* ‘ростовщик’; *zahler* ‘плательщик’). Специализация значений имела разный исход: слово, функционируя в кредитной сфере, не закреплялось в ней (*ряд*, *заряд*, *гостинец*); могло получать устойчивый характер (*bank*, *wechsler*, *lombard*). В немецком языке этой поры интересна терминологизация форм множественного числа слов-полисемантов: *gelder* ‘капитал, деньги’, *restanten* ‘непогашенный долг’.

В разделе 3.2 анализируется становление специальной семантики и особенности формальной структуры прототерминов на среднем этапе. Сохранение синкретичных по содержанию номинаций, имеющих неустойчивую семантику, и даже расширение их состава объясняется производством новых специальных обозначений в обоих языках преимущественно на основе имеющихся прототерминов (*заимъ*, *зalogъ*, *порука*; *borger*, *schuldmann*). Неустойчивость семантики кредитных номинаций в старорусском языке обусловила повышение удельного веса бивербов субстантивно-атрибутивного характера, которые: 1) уточняют специальные понятия (*поручная кабала*, *хлебная ссуда*); 2) закрепляют номинации в сфере специальной деятельности (*заемная грамота*, *закладная грамота*; *поручная запись*, *закладная запись*); 3) нерасчлененно представляют специальное понятие (*заемное дело*). Последующая субстантивация (*закладная*, *кабальный*, *поручное*, *свершныи*) и универбация (*рядница*, *платежница*) ряда таких номинаций свидетельствует о том, что развитие процессов специальной номинации здесь идет в направлении языковой компрессии и отвлечения от конкретных представлений. В ранненововерхненемецком языке функциональным соответствием к названным способам выступают способы словосложения и сращения, обусловившие появление многочисленных композитов (*pfandgeld*, *zinsgeld*; *schultbrief*, *pfantbrief*), тоже закрепляющих номинации в сфере кредитной лексики (*wuchergeld*, *pfandsache*, *schuldsomme*, *glaubnehmer*) или уточняющих понятия (*zinsschuld*, *pfandschuldner*) благодаря определительным или опорным компонентам, но функционирующих при этом как однословные.

В XIV–XVII вв. появляются дериваты со значением опредмеченного действия (*взыскъ*, *платежь*; *заживание*, *заложение*, *закупие*), а также номинации адъективного характера, обозначающие обобщенную субстанцию (*должное*, *кабальное*, *поручное*, *рѣзоимное*; *zinsung*, *zinszahlung*, *glaubenshaltung*, *restierung*, *wucherhandlung*), то есть начинается становление

формальной специфики терминов, происходит характерное для понятийно-логического языка отвлечение от конкретного и случайного. Расширяется состав *nomina agentis* женского рода, более продуктивных в немецком языке (*заимщица, закладница, лихоимница; restantin, sollerin, wucherin / wuchrerin*).

В разделе 3.3 исследуются особенности становления формы и системной организации специальных обозначений. Графико-фонетическая форма специальной лексики по-прежнему зависит от развития соответствующих уровней каждого из языков. В старорусском языке в графической форме номинаций отражается падение редуцированных (*насънь / насонь, дължьникъ / дължьникъ / должник*), проникновение в деловую письменность черт московского просторечия (*память / паметь, серебряникъ / серебряникъ*). В ранненововерхненемецком языке наличие графико-фонетических вариантов связано с сохранением архаичных форм, эволюцией фонетического строя (*leihebrief / leybrief, zinskauffer / zinskäufer*), наличием диалектных черт (*zinsschuld / tynssschuld*), но главным образом отражает разные стадии формального освоения иноязычной лексики (*per cento / pro cento / pro cent / procent, bankerott / banca rotta / pan(c)karotta*).

Семантические поля кредитной лексики в этот период продолжают функционировать в обоих языках как стихийно складывающиеся подсистемы. Прототермины кредитной сферы возникают преимущественно на базе внутриязыковых ресурсов, поэтому специальные номинации организуются на основе словообразовательных (формально-семантических) связей. Вместе с тем постепенно проявляются признаки потенциальной терминосистемы, идет становление парадигматических отношений: антонимических (ст.-рус.: *заимодатель – заемщикъ; закладчикъ – выкупщикъ; заемъ – ссуда*; рнвн.: *gläubiger – glaubnehmer, pfandgehalter – pfandschuldner, verleiherung – ablösung*); гиперо-гипонимических (*должник: заимникъ – заемникъ – заимщикъ – заемщикъ – закладникъ – закупъ – закладчикъ*); когипонимических (*hauptgeld, hauptsumme – zinsgeld; capital – procent*). Фиксируются синонимы, отмеченные семантическими (*заемщикъ, закладчикъ, наймитъ; geldschuldner, selbgeter, restant*), стилистическими (*память – памятишко – памяца; schuldbrief – schuldbrieflein*) и на оценочно-экспрессивными (*ростовщикъ, лихоимецъ; wucherer, würger, wuchersack, gurgelstecher*) различиями. Однако синонимические связи еще не имеют характера системных, по-прежнему сохраняются дублетные обозначения, между кредитными номинациями в каждом из языков названного периода преобладают отношения семантического тождества (*поручикъ – поручникъ, ростоимецъ – ростовщикъ, свершные – свершки; schuldherr – gültkeufler – creditor, pfänder – pfandmann – pfandherr*).

Глава 4 «**Формирование кредитной терминологии в период складывания национальных норм словоупотребления**» посвящена исследованию развития кредитной лексики на заключительном этапе ее стихийного развития. В

разделе 4.1 отмечается, что в конце XVII – сер. XIX в. происходит существенное пополнение поля кредитной лексики русского и немецкого языков в связи с необходимостью обозначения новых понятий, развивающихся в сфере кредитных отношений в новых экономических условиях (капиталистический строй, появление огромных денежных масс, возникновение банков, введение практики безналичных расчетов). Основой семантического поля, обеспечивающей непрерывность формирования кредитной терминологии, в каждом из языков остаются исконные лексемы, называющие существенные признаки понятия «кредитные отношения», и их дериваты (рус.: *долгъ, заемъ, ссуда, залогъ, закладъ, лихва, ростъ; должник, заемникъ, ростовщикъ, поручникъ*; нем.: *schuld, glaube, würger, darlehen, zahlung*), а также древнейшие заимствования *pfand, zins, buch, brief*, ассимилированные немецким языком и ставшие частью внутриязыковой деривационной базы кредитной лексики: *schuldner, darleihe, wucherer, bürgerschaft, gläubiger, pfantschaft; zinsgeld, buchschuld, schuldbrief*. Однако источники, способы и темпы пополнения состава кредитной лексики в названных языках существенно различаются, так как становление капитализма в Германии произошло раньше, чем в России. В русском языке в названный период обогащение кредитной терминологии активно происходило за счет специальных иноязычных номинаций (14,4%), воспринятых из немецкого (*процент, вексель, банкцетель*) и французского (*ажюотер, кредит, кредитор*), реже латинского (*гипотека, акцентатор*) языков. В немецком языке основными донорами кредитной терминологии остаются латинский и итальянский языки, реже французский (15,7%) (*Chirographar, Insolvenz, Cavent, Kreditiv; del Credere, Kapital, Garantie*). Показательно заимствование терминов из языка-источника в виде словообразовательных гнезд, которые в обоих принимающих языках продолжают расширяться (рус.: *банкъ, банкир, банкрот, банкротство; кредит, кредитор, кредитив*; нем.: *banc, banckerott, bankierer, banckerotter; rest, restant, restantin, restierung*). Внутриязыковые ресурсы в русском языке востребованы в большей мере: доля семантических дериватов – 9,1% (*довѣрие, денежникъ*), тогда как в немецком языке – 7,6% (*gülte, Lombard*). Морфологическое словопроизводство было активным в обоих языках: в русском – 76,5% (*поручительница, заимодательница, кредиторка, ссужение*); в немецком – 76,7% (*Anleiher, gläubigerin, girierung*). Продуктивным для немецкого языка остается сложение (*pfandschuld, Buchschuld, Faustpfand, Zinseszins*), которое (в сочетании с суффиксацией) активизировалось и в русском языке (*закладосодержатель, заимовзятель, векседавецъ*).

В разделе 4.2 установлено, что на рассматриваемом этапе в обоих языках происходят существенные изменения в семантике и форме кредитных лексем. Это уход из поля кредитной лексики номинаций, выражающих понятия, устаревшие с отмиранием некоторых долговых обычаев (рус.: *наставъ, насопъ,*

рѣзь, кабала; нем.: *leh(e)ner, anlehen, leihung, pfandleihe, gültbuch*); устранение из ЯСЦ кредитной сферы лексем с неустойчивыми кредитными значениями (рус: *ряд, заряд*; нем. *gülte, glaube*); исчезновение семантически избыточных номинаций (нем. *hauptgeld, hauptsumme, hauptstamm*). В обоих языках проходит детерминологизация ряда древних прототерминов, связанных с ростовщицеством (рус. *лихва, лихоимец*, нем. *wucher, wucherei*) из-за осложнения их содержательной структуры негативными экспрессивно-оценочными смыслами.

В кредитной лексике русского и немецкого языков на указанном этапе преобладают однословные номинации, но в их словообразовательных моделях отражается национальная специфика каждого из языков. В русском языке снижается продуктивность аналитического словообразования, что ведет к сокращению бивербов. В новонемецком языке, наоборот, происходит резкое увеличение терминов-композиций (*wuchergeschäft, schuldzettel, pfandschein, schuldenzahlung*), что связано с характерной для немецкого языка ориентацией на использование традиционных способов деривации и внутриязыковых ресурсов.

Для большей части исконных кредитных номинаций русского и немецкого языка становление специальной семантики заканчивается, что приближает их к статусу термина: рус. *долг, должное, заимодавец, заём, заемщик, ссуда, закладная, заемное письмо*; нем. *kreditor, gläubiger, schuldner, pfandschuldner*. Однако вновь появляющиеся номинации, особенно заимствования и кальки, по-прежнему семантически нестабильны (*ассигновка, капитал; Anleiher*).

В разделе 4.3 констатируется, что в конце XVII – середине XIX в. развитие звуковой и грамматической формы кредитной терминологии в обоих языках еще не достигло своего завершения в силу 1) отсутствия общезыковой орфографической нормы; 2) сосуществования в языке кредитной сферы номинаций, графико-фонетическая форма которых сохраняет следы предыдущей эволюции звуковой системы, и новых слов (*schulde – schuld, zinse / zinsen / tinsen*); 3) незавершенности формальной адаптации заимствований (*банкѣр / банкиер, ажиотер / ажиотор, banco / banque / bank, credito / credit / kredit*). В русском языке по-прежнему используются книжно-славянские и собственно русские параллели (*заим, заемщик, заимодавец – заем, заемщик, займодавец*).

Каркас формирующейся терминосистемы кредитной лексики в обоих языках образуют номинации, восходящие к древнейшим прототерминам; отношения производности и формально-семантические связи между ними обеспечивают единство и целостность семантического поля кредитной лексики независимо от времени и источника происхождения номинаций кредитной сферы.

В поле кредитной лексики русского и немецкого языка большое место по-прежнему занимают дублетные синонимы, как лексические, так и словообразовательные, однако они оцениваются как семантически избыточные лишь в том случае, если отражают множественность способов языковой номинации или

особенности внутриязыковых деривационных процессов (*займовзятель – заемщик, Darleiher – Ausleiher*). Вместе с тем дублетные синонимы могут возникать в связи с начавшимся формированием фонда интернациональных терминов, которые, как правило, сосуществуют в каждом из анализируемых языков параллельно с исконными номинациями (*кредит – доверие; капитал – денежник; Schulde – Darleiher – Chirographar, Garant – Kavent – Bürge*). В каждом языке продолжают развиваться парадигматические отношения антонимии (семантической конверсии) специальных номинаций, логически связанной с все более отчетливым отражением двустороннего характера кредитных отношений (*должник – кредитор, заемщик – заимодавец; Buchgläubiger – Buchschuldner*).

В конечном итоге формирование кредитной лексики в указанный период приводит к образованию в каждом из языков совокупности специальных лексем или слов с терминованными значениями, соответствующей уровню развития кредита и готовой к преобразованию в терминосистему. Эта потенциальная терминосистема требует, однако, сознательного упорядочивания и устранения дублетных синонимов и разного рода вариантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Формирование кредитной лексики русского и немецкого языков неотделимо от истории общества и экономики, а также теснейшим образом связано с историей развития соответствующей понятийной сферы. В силу включенности кредитной сферы деятельности в социально-экономическое развитие каждого государства, в обоих языках номинации кредитных отношений образуют соотносительные семантические поля. В структуре полей, в соответствии с сущностными признаками кредитных отношений, выделяются ЛСГ «ценность, переданная или взятая во временное пользование», «гарантии обеспечения кредита», «судный платеж», «субъекты кредитной деятельности», «кредитные операции», «документы, оформляющие кредитные отношения». С развитием понятийной сферы кредитных отношений (обобщение, ограничение, деление специальных понятий) происходит усложнение структуры поля за счет появления новых групп и подгрупп («кредитные учреждения», «состояние субъектов кредита», «кредитор», «заемщик», «поручитель» и т.д.). В составе и содержании номинаций отражаются сходные конкретно-исторические состояния сферы долговых отношений в русском и германском государствах (обозначения, связанные с ростовщическим кредитом: *ростъ, ростовщикъ, ростоимецъ, рѣзь, рѣзовникъ, рѣзоимство; wucher, wucherei, wucherer, wucherhandel, wucherzins, wuchergewinn, wucherregister*); совпадение условий возникновения и развития

понятий сферы кредитной деятельности (*платежь* → *платежчикъ*, *платежная книга*; *za(h)len* → *za(h)ler*, *zalunge*, *bezalunge*).

Расхождения в составе семантических полей кредитной лексики русского и немецкого языков обусловлены, во-первых, разной динамикой развития кредитной сферы (в немецком языке оно было более интенсивным); во-вторых, национальной спецификой кредитных отношений в каждом из социумов, обуславливающей наличие в поле кредитной лексики особых для каждого языка «семантических областей» (в России до XVII в. в сфере кредитных отношений существовал институт закладничества и закупничества, что обусловило наличие номинаций *закупъ*, *закладникъ*, *закладные люди*, *заживание*, *кабала*, *кабальщикъ*, *кабальное*, *кабала закладная* и др.; в Германии активно развивался залоговый кредит, что объясняет многочисленность обозначений его форм: *pfandgut*, *pfandgeld*, *pfandschatz*, *pfantlehen*, *pfandbrief* и др. [2; 3; 5; 7; 12].

2. Развитие кредитной лексики в истории русского и немецкого языков XI – середины XIX вв. представляет собой открытый процесс, выходящий за указанные рамки. История кредитных отношений значительно древнее письменной истории рассматриваемых языков, поэтому начало формирования кредитной лексики относится к предшествующим этапам языкового развития (к праславянскому и древневерхненемецкому языкам). В XI в. в обоих языках уже наличествует исходный генетический пласт прототерминов кредитной сферы (др.-рус.: *дѣлгъ* (*dьlgъ), *заимъ* (*zajьmъ), *лихва* (*lixva); двн.: *schulde*, *lêhen*, *borg* и др.), образующих в каждом из языков деривационную базу, на основе которой складывается каркас формирующейся системы кредитной лексики. Исходные прототермины, будучи результатом семантической деривации, изначально отмечены синкретизмом значений, напр.: *заимъ* – ‘взятие в долг’, ‘предоставление ссуды’; ‘выданная или полученная во временное пользование ссуда’, *дѣлгъ* – взятое или данное взаймы; *schult* – ‘долг, который должен быть выплачен должником или истребован кредитором’, *geld* – ‘долговое требование (со стороны кредитора)’; ‘долг (со стороны должника)’. Указанный синкретизм значений исходных номинаций сохраняется в семантической структуре их дериватов, что является предпосылкой для последующего уточнения семантики прототерминов, образующих каркас формирующейся терминосистемы. Отношения производности между образующими этот каркас обозначениями выступают основой содержательных и формальных связей кредитной лексики каждого языка на последующих этапах ее формирования [1; 11].

3. В целом кредитная лексика в обоих языках формируется аналогично развитию общего словаря. На всех этапах ее складывания имеет место семантическая деривация (9,7% от общего числа лексем в русском языке и 7,9% – в немецком), так как, будучи частью имущественных отношений в обществе, кредитная деятельность не изолирована от повседневного быта (ст.-рус.: *гос-*

тинец, взыскание, серебро, запись, платежчикъ; рнвн.: *zahler, gelder, glauben, bezahler, rest*). Однако ведущую роль в обогащении состава кредитной лексики играет морфологическое словообразование на базе наличных словообразовательных ресурсов (82% от общего числа лексем в русском языке и 80,2% – в немецком). В основе структуры преобладающего числа дериватов лежит глагол, поскольку речь идет об обозначениях специальной деятельности (рус.: *заимъ, ростъ, закладъ; должникъ, заимникъ, поручникъ; порука, взыскание, ссужение*; нем.: *lêhen, glauben, wucher; gläuber; verlihung, bezalunge, wucherung, ablösung*). Морфологические дериваты в русском и немецком языках образуют словообразовательные парадигмы и гнезда номинаций, выражающих смежные понятия кредитной деятельности на каждом из этапов ее развития. Это создает этимологическую «прозрачность» новых прототерминов, обеспечивает их содержательные и формальные связи, поддерживающие единство и целостность семантического поля кредитной лексики как в синхронии, так и в диахронии [1; 9].

Пополнение лексики кредитной сферы готовыми единицами происходит также в ходе процессов лексического заимствования (8,6% от общего числа лексем – в русском и 11,9% – в немецком языке). Для древнерусского языка это единичные грецизмы, в том числе кальки (*грамота, трапезник, сребропродавец*), а для средневерхненемецкого – немногие латинизмы (*pfand, zins*). Позже источником иноязычной кредитной лексики становится латынь, пик заимствований из которой для немецкого языка приходится на XIV–XVII вв., а для русского – на XVIII в., но в результате часто появляются одинаковые номинации. Языками-донорами для обоих языков выступали также итальянский (нем.: *banc, banchiere, banckerott, credit, Kreditiv, Lombard, procent*; рус.: *банк, банкир, банкрот, кредит, кредитив, ломбард, процент*), реже французский (*giro, girant; ажиотер, ажиотаж*) языки. Для русского языка посредником в заимствовании иноязычных кредитных обозначений часто является немецкий язык, что тоже обуславливает совпадение номинаций. Иноязычная лексика может заимствоваться в виде словообразовательных гнезд, уже существующих в языке-источнике, что косвенно указывает на продуктивность морфологического терминообразования в сфере кредитных отношений и в других языках. В языках-реципиентах словообразовательные гнезда иноязычных номинаций могут расширяться (лат.: *кредит, кредитор* + рус.: *кредиторка, безкредитство*; итал.: *bank, Bankier, banquerott* + нем.: *bankbruch, bankbrecher, bankerotierung*). В итоге деривационная база формирующейся кредитной терминологии представлена двумя пластами: общеупотребительными словами и имеющейся в наличии специальной лексикой разной этимологии.

4. Стихийно формирующиеся семантические поля кредитных номинаций в обоих языках на каждом из этапов отмечены сходными характеристиками.

Во-первых, это диффузность структуры поля как следствие сохраняющегося на протяжении всего рассматриваемого периода синкретизма семантики многих номинаций, обусловленного исходной связью прагерманских и праславянских прототерминов с бытовыми представлениями и понятиями на ранних этапах развития кредита, а позже – появлением терминов ЛСВ, нечетко противопоставленных первичным значениям (ст.-рус.: *взыскание*, *злогъ*, *зарядъ*; рнвн: *gülte*, *leihe*), а также сохранением в обоих языках смысловой расплывчатости ряда заимствований (*ассигнация*, *банкир*, *банк*, *капитал*, *кредит*; *banc*, *capital*, *credit*, *hypothek*). Во-вторых, это семантическая избыточность, лексическая и словообразовательная синонимия дублетного характера, обусловленная, прежде всего, непрерывным поиском оптимальных способов номинации новых понятий, что приводит к сосуществованию хронологически или структурно разнородных, но аналогичных по смыслу кредитных обозначений (*дѣлжбитъ*, *дѣлжникъ*, *дѣлжныи* (др.-рус.); *закладникъ*, *закладчикъ*, *закладные люди* (ст.-рус.); *заемная память*, *заемная записъ*, *заемная кабала* (ст.-рус.); *заимникъ*, *заимщикъ*, *заимовзятель* (рус.); *заимодавец*, *заимодатель*, *кредитор*, *веритель* (рус.); *gläubiger*, *gläuber* (свн.); *lehener*, *verleiher* (рнвн.); *pfänder*, *pfandinhaber*, *pfandhalter*, *pfandherr* (рнвн.); *hauptgeld*, *hauptstuhl*, *hauptstock*, *hauptstamm*, *hauptsumme* (нвн.); а также, постоянным появлением новых специальных лексем разной этимологии, в свою очередь требующих совершенствования содержательной структуры и формы (*ассигнация*, *вексель* / *векзель*, *довѣрне*, *кредит*; *rest*, *leihe*, *gülte*, *Wechsler*). Наконец, это существование графико-фонетических вариантов как следствие внешних и внутренних факторов (противоречие между письменной традицией и живой речью; наличие диалектов, отсутствие кодифицированной нормы; развитие фонетического строя) (*должник* / *должникъ* / *дѣлжникъ* / *дѣлжъникъ*; *заем* / *заим* / *заём*; *glauben* / *gelaub*; *wuchergülte* / *wuchergilte* / *wuchergult*). Эти особенности могут объективно характеризовать прикладную терминологию с длительной историей бытования в любом языке [1; 2; 4; 10].

5. Многовекторный и непрерывный процесс становления ЯСЦ кредитной сферы, несмотря на стихийный характер, ориентирован на оформление потенциальной терминосистемы, так как в обоих языках он включает ряд количественных и качественных изменений, в числе которых: 1) утрата неактуальных номинаций (русские номинации процента в натуральной форме: *насть*, *наставъ*, *присопъ*; обозначения из сферы ростовщичества, ушедшие с утратой долговых бирок: *рѣзь*, *рѣзоимъць*, *рѣзоимство*, *рѣзоимное* и др.; немецкие названия «самопоручительства»: *selbgelter*, *selbschulde*); 2) детерминологизация номинаций, содержательная структура которых в обоих языках осложнялась экспрессивно-оценочными смыслами (*лихва*, *лихоимецъ*; *wucher*, *wucherei*, *wuchergeld* и др.); 3) устранение семантически нестабильных (*зарядъ*, *довѣрне*,

рядь; *gülte /gült, glaube*), а также семантически избыточных номинаций (*свершенокъ, свершики, свершные; платежчикъ, hauptgeld, hauptsumme, hauptstuhl, hauptstamm*); 4) расширение терминологии за счет заимствованных терминов (*банкъ, банкирь, вексель, кредитив, Aval, capitalist, Lombard*); 5) уточнение, дифференциация существующих обозначений (*рѣзь* → *месячный рѣзь, годовой рѣзь; schuld* → *geldschuld* ‘денежный долг’, *zinsschuld* ‘долг по процентам’) или создание новых, более точных номинаций. В последнем случае особую роль играет появление специфических для каждого из языков структурных моделей. Для русского языка были продуктивны, особенно в XIV–XVII вв., аналитические номинации (бивербы) субстантивно-атрибутивного характера, способные закреплять понятие в ЯСЦ кредитной сферы (*закладная грамота, ссудная грамота, поручная грамота*) или дифференцировать его (*сотная лихва, денежная ссуда*). Для немецкого языка аналогичные номинативные и дефинитивные функции выполняют номинации-композиаты (*pfandgeld, hauptgeld, zinsgeld; zinsschuld*). Бивербы русского языка впоследствии часто подвергались субстантивации (*закладная, поручная*) или универбации (*сотница, платежница*), поэтому их можно квалифицировать как промежуточный, переходный тип структуры формирующихся терминов. В них смысловая связь с конкретными предметами и представлениями из сферы кредитной деятельности не только сохраняется, но и проецируется на структурный план прототермина. В немецком языке композиаты сохраняются как продуктивная модель кредитных номинаций. Если учесть, что в древности некоторые из них тоже имели вид словосочетания (двн.: *schultman, pfandherr, schulherr*), то можно предположить, что развитие процессов языковой номинации в кредитной сфере в обоих языках идет в направлении языковой компрессии, отвлечения от описания конкретных представлений.

На всем протяжении формирования кредитной лексики ее системная организация неизменно поддерживается деривационными связями, обеспечивающими формально-семантическое объединение номинаций из сферы долговых отношений. Вместе с тем все более отчетливо в поле кредитной лексики проявляются парадигматические связи семантической конверсии (*закладъ – выкупъ, заимодавец – заимщикъ, кабальный – кабальщик; gläubiger – glaubnehmer, pfandhalter – pfandschuldner, verleihung – ablösung*), синонимии (*zinsung – zinszahlung – reichung; glauben – credit* и др.). Однако преобразованию потенциальной терминосистемы в реальную препятствует непрерывное появление в каждом из языков новых кредитных номинаций в ходе семантических, словообразовательных и лексических процессов. Для оформления терминосистемы требуется сознательное упорядочивание ее состава, уточнение семантически нестабильных номинаций и устранение дублетных синонимов и разного рода вариантов [1; 2; 4; 5; 10].

6. Последовательное изучение формирования и развития семантических полей кредитной лексики русского и немецкого языков на разных синхронных срезах позволяет отметить некоторые общие закономерности, характерные для складывания прикладных терминологий, имеющих продолжительную историю бытования. К ним, на наш взгляд, относятся: 1) исконная и непрерывная их связь с общеупотребительной лексикой (*дѣска, выкуп, прибыль, серебро, платежчик; beza(h)ler, gülte, glaube, soller*), так как долговые отношения изначально были и оставались частью социально-экономических отношений на Руси и в Германии; 2) наличие в зарождающейся терминосистеме кредитной сферы устойчивых формально-семантических связей на каждом синхронном срезе как доминирующего вида системных отношений, что обусловлено формированием кредитной терминологии на основе деривационной базы, включающей как исконные прототермины и их дериваты, так и вновь возникающие специальные номинации разной этимологии (*рѣзь – рѣза, рѣзовникъ, рѣзоимъць, рѣзоимание, рѣзоимство, рѣзоимное, месячныи рѣзь, третныи рѣзь, годовой рѣзь; wuocher – wuocherung, wuchrer, wucherei, wuchrerin, wucherhandel, wucherhandlung, wucherzins, wuchergülte, wuchergewinn, wucherhandwerk, wucherkunst*); 3) постоянное пополнение состава и развитие разных структурных типов кредитной лексики в связи с необходимостью номинации новых, обусловленных эволюцией кредитного права понятий кредитной сферы, их уточнения или дифференциации (*кабала, кабальщикъ, кабальный, кабальное, кабала служилая, кабальная запись, кабальные книги* и др.; *glauben, gläubiger, glaubenshaltung, glaubnehmer, glaubbrief* и др.); 4) расширение производящей базы терминологии за счет заимствований (*банк – банкирь, банкирство, банкосодержатель, банкцетель, банкротъ, банкротство; hypothes – hypothekenschuld, hypothekarischer Gläubiger, Hypothekar-Gläubiger, Hypothekar, Hypothecarius, hypothekarischer Schuldner*), одновременно ведущее к образованию интернационального фонда кредитной лексики (*авалл, капитал, кредит, ломбард, кредитив, процент; Aval, capital, credit, Kreditiv, Lombard, procent*).

Особенности состава семантических полей кредитных номинаций, темпов их складывания, структурных типов номинаций, характера вариантности, объема интернационального фонда обусловлены неравномерностью развития социально-экономических и кредитных отношений, а также характеристиками общезыковой ситуации в рассматриваемых языках на разных этапах эволюции, в числе которых: 1) изначальное «сквозное», на протяжении XI–XVII вв., книжно-славянское воздействие на развитие русского письменного языка в целом и специальной терминологии в частности, обуславливающее наличие графико-фонетических вариантов (*заимъ / заемъ / заём, растъ / ростъ*) и дублетных номинаций (*заимодатель, лихоиматель, лихоимѣтель,*

заимодавецъ, лихоимецъ, лихоимник); 2) значимость для немецкого языка латыни как исконного письменного языка, изначально используемого в процессах специальной номинации (*pfant / pfande*) и деривации новой лексики (*phantguot, phantschaft, phander / phender*); 3) конкуренция диалектов, характерная для немецкого языка на протяжении всей донаучной истории кредитной терминологии и обуславливающая как обогащение, так и графико-фонетическую вариантность специальной кредитной лексики: *bezalunge / betalinge* (снн.); *gelove / gelof / love* (снн.); 4) языковая политика германского и русского государств. В частности, в средневековой Руси почти полное отсутствие заимствований связано с политикой изоляционизма, но в Петровскую эпоху интенсивные международные языковые контакты обусловили появление таких терминов, как *авалл, ажиотер, акцентование, ассигнация, банк, банкир, вексель, капитал, кредит, кредитор*, ставших основой не только будущей кредитной терминосистемы русского языка, но и интернационального фонда; в немецком языке интенсивность международных контактов средневековой Германии обусловила более раннее (начиная с XIV в.) заимствование отмеченных терминов, но в последующие века, вследствие пуризма, возведенного в ранг языковой политики, на первый план в языке выходят номинации собственно немецкого происхождения (*gläubiger, hauptgeld, wuchergülte*), а иноязычные обозначения образуют интернациональный фонд, функционирующий параллельно с исконно немецкими номинациями аналогичного содержания. Неизменная ориентация на внутриязыковые ресурсы, стремление приспособить их к вновь возникающим понятиям в сфере кредитной деятельности является важной особенностью процессов развития немецкой терминологии [2; 3; 7; 9].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Материалы и результаты исследования могут быть использованы: 1) в научно-исследовательской деятельности при разработке вопросов общей теории становления развивающихся терминосистем; 2) в учебно-методической работе при чтении курсов общего языкознания, лексикологии и истории русского и немецкого языка для филологов, а также русского языка для получающих экономические специальности; в содержании спецкурсов и спецсеминаров по терминоведению; при написании курсовых, дипломных и магистерских работ; 3) в лексикографической практике при составлении терминологических словарей русского и немецкого языков.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых периодических изданиях

1. Приступа, Н. Н. Особенности формирования и функционирования финансово-кредитной терминосистемы в XI–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Весн. БГУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2013. – № 1. – С. 27–30.

2. Приступа, Н. Н. Структурно-семантические особенности финансово-кредитной терминосистемы в XII–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2013. – № 1. – С. 61–68.

3. Приступа, Н. Н. Прототермины со значением ‘субъекты кредитной сделки’ в истории немецкого языка / Н. Н. Приступа // Вестн. Мозыр. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 121–127.

Статьи в сборниках научных трудов

4. Приступа, Н. Н. Способы образования финансово-кредитных прототерминов в русском языке XI–XVII вв. / Н. Н. Приступа // XII Горьковские чтения, посвященные 100-летию Я. А. Чернявской : сб. науч. тр., Брест, 18 марта 2014 г. / Брест. гос. ун-т. ; науч. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест, 2014. – С. 153–157.

Материалы и тезисы научных конференций

5 Приступа, Н. Н. Терминология кредитования в русских памятниках письменности XI–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор – жанр – стиль : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 4–5 окт. 2012 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т ; редкол. : Т. В. Сенькевич (гл. ред.), О. Б. Переход. – Брест, 2012. – Ч. 1. – С. 166–172.

6. Приступа, Н. Н. Специфика терминов кредитования в русских памятниках письменности XII–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 72–73.

7. Приступа, Н. Н. Формирование и функционирование базовых понятий терминосистемы кредитования в восточнославянском социокультурном пространстве / Н. Н. Приступа // Язык и межкультурные коммуникации : материалы IV Междунар. науч. конф., Вильнюс – Минск, 15–18 апр. 2013 г. / Белорус. гос. пед. ун-т, Лит. эдукол. ун-т ; редкол. : В. Д. Стариченок [и др.]. – Минск, 2013. – С. 23–26.

8. Приступа, Н. Н. Прототермины со значением ‘судный процент’ в русском языке XI–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Русский язык на евразийском

пространстве : совместное достояние и новые вызовы : сб. материалов междунар. конф., Одесса, 6–9 июля 2013 г. / Одес. нац. ун-т ; редкол. : И. А. Прихожан (гл. ред.), В. И. Супрун (гл. ред.), М. Ф. Шацкая. – Волгоград, 2013. – С. 153–159.

9. Приступа, Н. Н. Заимствования в финансово-кредитной сфере немецкого языка / Н. Н. Приступа // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. нач. тр. VI Междунар. науч.-метод. конф., Брест, 21–22 нояб. 2013 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т. ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест, 2014. – Ч. 1. – С. 210–213.

10. Приступа, Н. Н. Наименования лиц – субъектов кредитных отношений в русском языке XI–XVII вв. / Н. Н. Приступа // Текст как единица филологической интерпретации : сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Куйбышев, 25 янв. 2014 г. / Новосиб. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. А. Куруленок. – Новосибирск, 2014. – С. 116–120.

11. Приступа, Н. Н. К вопросу о статусе термина в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Н. Н. Приступа // Мир языков : ракурс и перспектива : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2014 г. : в 2 т. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – Т. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Деп. в БГУ 18.06.2014, № 004118062014.

12. Приступа, Н. Н. Специфика становления терминологии сферы кредитной деятельности / Н. Н. Приступа // Русский язык и литература в ионациональном мире : сб. материалов междунар. форума преподавателей рус. яз. и лит. стран СНГ и Европы, Брест, 6–10 окт. 2014 г. / Брест. гос. ун-т, Генер. консульство Рос. Федерации в г. Бресте, Фонд «Русский мир» ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест, 2015. – С. 86–92.

13. Приступа, Н. Н. Термин и терминология в отношении к истории языка / Н. Н. Приступа // Царицынские Рождественские чтения : сб. материалов конф. / под ред. В. И. Супруна. – Волгоград : Изд-во Поликарпов И. Л., 2015. – Вып. 2. – С. 133–139.

РЭЗІЮМЭ

Прыступа Ніна Мікалаеўна

Заканамернасці фарміравання крэдытнай тэрміналогіі з XI да сярэдзіны XIX ст.

(на матэрыяле рускай і нямецкай моў)

Ключавыя словы: працэсы тэрмінаўтварэння, крэдытная лексіка, этапы развіцця, склад прататэрмінаў, крыніцы, семантычная дэрывацыя, марфалагічнае словаўтварэнне, станаўленне спецыяльнай семантыкі, структура прататэрмінаў, фармальныя варыянты, сістэмная арганізацыя, агульныя заканамернасці, адметныя характарыстыкі.

Мэта даследавання: устанавіць асноўныя характарыстыкі складвання крэдытнай лексікі ў рускай і нямецкай мовах XI – сярэдзіны XIX ст.; выявіць агульныя заканамернасці і адрозныя рысы працэсаў тэрміналагізацыі ў названых мовах.

Метады даследавання: гісторыка-параўнальны, метады сінхронных зрэзаў, этымалагічны, апісальны з выкарыстаннем аналізу слоўнікавых дэфініцый, структурна-семантычны, прыёмы параметрычнага апісання спецыяльнай лексікі.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню выканана апісанне саставу, семантыкі, формы, структуры і сістэмнай арганізацыі спецыяльнай крэдытнай лексікі ў рускай і нямецкай мовах XI – сярэдзіны XIX ст. на сінхронных зрэзах, суадносных з асноўнымі этапамі развіцця крэдыту. Пададзена характарыстыка крыніц і спосабаў утварэння крэдытнай лексікі, ацэнка адноснай прадуктыўнасці механізмаў яе марфемнай і семантычнай дэрывацыі ў кожнай з моў на кожным з этапаў. Выяўлены рысы падабенства, агульныя заканамернасці і вызначальныя тэндэнцыі стыхійнага развіцця тэрміналогіі з працяглай гісторыяй існавання, а таксама спецыфіка працэсаў тэрмінаўтварэння ў рускай і нямецкай мовах XI – сярэдзіны XIX ст., прычыны і фактары, што яе абумоўліваюць.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Матэрыялы даследавання могуць быць выкарыстаны пры распрацоўцы пытанняў агульнай тэорыі станаўлення тэрміналогіі; пры чытанні курсаў агульнага мовазнаўства, лексікалогіі і гісторыі рускай і нямецкай моў, спецкурсаў і спецсемінараў па тэрміназнаўству; пры напісанні курсавых, дыпломных і магістарскіх работ; пры складанні тэрміналагічных слоўнікаў рускай і нямецкай моў.

РЕЗЮМЕ

Приступа Нина Николаевна

Закономерности формирования кредитной терминологии с XI до середины XIX в.

(на материале русского и немецкого языков)

Ключевые слова: процессы терминообразования, кредитная лексика, этапы развития, состав прототерминов, источники, семантическая деривация, морфологическое словопроизводство, становление специальной семантики, структура прототерминов, формальные варианты, системная организация, общие закономерности, специфические характеристики

Цель исследования: установить основные характеристики складывания специальной лексики, относящейся к сфере кредитной деятельности, в русском и немецком языках XI – середины XIX в.; выявить общие закономерности и дифференциальные черты процессов терминообразования в названных языках.

Методы исследования: историко-сравнительный метод, метод синхронных срезов, этимологический, описательный с привлечением анализа словарных дефиниций, структурно-семантический, приёмы параметрического описания специальной лексики.

Полученные результаты и их новизна. Впервые выполнено описание состава, семантики, формы, структуры и системной организации специальной кредитной лексики в русском и немецком языках XI – середины XIX в. на синхронных срезах, соответствующих основным этапам развития кредита. Дана характеристика источников и способов образования кредитной лексики, оценка относительной продуктивности механизмов ее морфемной и семантической деривации в каждом языке на каждом из этапов. Выявлены сходные черты, общие закономерности и определяющие тенденции стихийного развития терминологий с длительной историей существования. Установлена специфика процессов терминообразования в русском и немецком языках XI – середины XIX в. и обуславливающие ее причины и факторы.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Материалы исследования могут быть использованы при разработке вопросов общей теории становления терминологий; чтении курсов общего языкознания, лексикологии и истории русского и немецкого языков, спецкурсов и спецсеминаров по терминоведению; написании курсовых, дипломных и магистерских работ; составлении терминологических словарей русского и немецкого языков.

SUMMARY

Nina Prystupa

Formation patterns of credit term system from the XI to the XIXth century (based on the German and Russian languages)

Keywords: term formation processes, credit vocabulary, evolution stages, pro-term quantity, sources, semantic derivation, morphological derivation, formation of specialized semantics, prototerm structure, form alternants, structural arrangement of term system, common patterns, specific features.

Research aim: to determine the main formation peculiarities of the special purpose vocabulary related to the credit sphere during the period from the XI to the middle of the XIXth century in the German and Russian languages; to detect common patterns and distinctive features in the terminologization process of the named languages.

Research methods: historical-comparative method, method of period-based synchronic analysis, etymological, descriptive method using vocabulary definition analysis, structural-semantic; special purpose vocabulary parametric description methods.

The results obtained and their novelty is that the research determines the common preconditions and regularities of spontaneous evolution of term system in the language, and specificity of impact.

Results obtained and their novelty. The quantity, semantics, form, structure and system arrangement of the special purpose vocabulary related to credit sphere are described for the first time in the Russian and German languages considering the period from the XI to the middle of XIXth century and using synchronic analysis based on the periods that correspond to the main stages of credit development. The sources and formation means of credit vocabulary are defined as well as its relative efficiency evaluation of semantic and morphological derivation patterns for both languages at each stage. Similar features, common patterns and constitutive tendencies as well as unique nature of the term-formation processes in the Russian and German languages during the period from the XI to the middle of XIXth century are determined.

Recommended usage of the research findings. The research findings can be used while considering the matter of terminology formation general theory; while teaching courses in general linguistics, lexicology and lexicography, the history of the Russian and German languages, specialized courses and workshops in terminology study; while writing course theses, graduation and Master's theses; while compiling credit terminological dictionaries of the Russian and German languages.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИСТУПА
Нина Николаевна

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
КРЕДИТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С XI ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Подписано в печать 23.12.2015. Формат бумаги 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 1,63. Уч.-изд. л. 1,75.
Тираж 90 экз. Заказ 796,797.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
Распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

